

Доктор Лесли Аллен, Плач, Занятие 6, Плач 3: 1-16

© 2024 Лесли Аллен и Тед Хильдебрандт

Это доктор Лесли Аллен в своем учении по книге Плача. Это шестая сессия, Плач 3:1-16.

Теперь мы подходим к третьей главе «Плача».

На этом этапе мы собираемся изучать только стихи с первого по 16-й, но полезно просмотреть главу в целом и изучить ее сложность с точки зрения различных частей. Я принимаю стихи с первого по 16-й как свидетельство, свидетельство наставника, и он сообщает о молитвенном плаче, связанном с чувством вины, индивидуальном плаче, о котором он сам молился ранее. А затем, в стихах с 17 по 24, он продолжает лично размышлять над тем плачем, который он только что повторил, и уроками, которые он усвоил; он дает уроки, которые он извлек, и особенно говорит в терминах надежды.

Затем, с 25 по 49, он переходит к тому, что мы могли бы назвать проповедью. Он дает общее богословское учение, которое объединяет плохой опыт, с одной стороны, и ожидание хорошего, с другой. В период с 40 по 41 он переходит к призыву к собранию к покаянной молитве, в которой им необходимо участвовать.

Затем, с 42 по 47, он предлагает образцовую молитву об их внушении, такую молитву, которую они могли бы вознести сами. Ближе к концу, с 48 по 51 год, он выражает свои личные эмоциональные реакции сочувствия к страдающим прихожанам. Наконец, в стихах с 52 по 66 он дает еще одно свидетельство, теперь свидетельство, основанное на обиде, еще один индивидуальный молитвенный плач, но основанный на обиде, но во многом включающий в себя надежду.

Итак, это прогон третьей главы, и на данном конкретном этапе мы будем рассматривать только стихи с первого по 16-й. Но мы должны подумать о «Плаче 3» в более общем плане, подходя к нему. Традиционно это самая важная глава, поскольку ее центральный раздел посвящен надежде и позитивно смотрит за рамки трагедии.

В популярном понимании этот раздел представляет собой единственную часть ценности всей книги для христианина, и его можно свести к одной цитате о Боге: Велика верность Твоя, которая привела к созданию любимого гимна, который мы следует говорить о. Таким образом, существует тенденция сужения «Плача», которое отсылает к третьей главе, но серьезно воспринимает лишь

небольшую часть в середине третьей главы. Когда мы обращаемся к современному академическому мышлению о третьей главе, ученые хотят более широко подумать о Плаче и роли третьей главы в нем, и это звучит правильно.

Они часто используют слово «привилегия» в негативном смысле. Мы не должны отдавать предпочтение третьей главе перед остальными «Плачами». Иногда ученые утверждают, что третья глава была написана позже, чем остальная часть книги, потому что она отличается от других глав, поэтому мы можем игнорировать ее как не оригинальную часть книги.

Иногда отмечают, что третья глава содержит противоречия. Да, в нем говорится о позитивной надежде, но это сводится на нет заключительным плачем, в котором основное внимание уделяется человеческим конфликтам и страданиям. Итак, в третьей главе есть взлеты и падения, и мы не должны отдавать предпочтение взлетам и игнорировать падения.

Прежде всего, мы не должны заниматься третьей главой и игнорировать остальную часть книги, потому что мы должны помнить, что четвертая глава возвращается к страданию, большому времени, снова страданию. Поэтому в «Плаче» нет четкого ответа на проблему горя. Человек должен продолжать прорабатывать его процессы, процесс горя, снова и снова, прежде чем с ним покончить.

Третья глава ни в коем случае не является концом книги. Ну и какова моя позиция в этом споре? Я хотел бы подчеркнуть, что третья глава имеет привилегированное положение. В третьей главе есть элемент самопривилегий.

Что это такое? Ну а акростих принимает особую форму. Помните акростих, о котором я упоминал? Он представлен в первой, второй, третьей и четвертой главах и проходит через все буквы алфавита: алеф, бат, гимель и далет, вплоть до двадцати двух букв алфавита. Что ж, есть новая проверка, которая признает эту разницу.

Теперь у нас есть шестьдесят шесть стихов вместо двадцати двух. Итак, мы могли бы сказать: глава в три раза длиннее первой или второй главы? Ну нет, если вы посмотрите на то место, которое оно занимает в Библии, оно не покажется длиннее первой или второй главы. Но это новое стихосложение означает то, что оно хочет признать новую форму акростиха.

До сих пор мы мыслили в терминах строф, двадцати двух строф, трехстрочных строф. Но в первой главе есть одна четырехстрочная строфа, и я об этом не упомянул, а во второй главе есть еще одна четырехстрочная строфа. Итак, если говорить о строках, то в первой главе шестьдесят семь строк, а во второй — шестьдесят семь.

Ну, а отличие акростиха в том, что он касается не только начала строф, как считались стихи в первой и второй главах, но и в строках. Каждая строфа повторяет эту начальную букву, поэтому она похожа на А, А, А в строках первых трех строф, Б, Б, Б в строках второй строфы и так далее. Итак, есть усиленный акростих, и новое стихосложение хочет отдать ему должное.

Он движется вперед с точки зрения акростиха. Итак, это нечто особенное, и третья глава выделена как особенная из-за усиления акростиха, и мы должны отнестись к этому серьезно. И мы должны еще раз спросить, как и прежде, что это значит? Что это значит? Это просто интересный способ сочинения стихов? Нет, это должно быть нечто большее.

И я раньше убеждал, что это относится к тотальности. В первой и второй главах, а также в четвертой главе будут упоминаться совокупность страданий и их детальная совокупность. Но третья глава хочет пойти дальше.

Оно охватывает катастрофы и бедствия, но выходит за их рамки и открывает новые и позитивные перспективы. И таким образом, это увеличивает целостность. Будем надеяться, что горе может закончиться, и это указывает на надежду как на путь за пределы горя.

Итак, мы должны серьезно отнестись к тому, что здесь делается. Кто говорит в третьей главе? Сион больше не говорит. Женщин-спикера больше нет, и, по сути, ее нет в остальной части книги.

Она сказала свое последнее слово во второй главе и стихе 22. Итак, кто говорит? Я придерживаюсь точки зрения меньшинства, точки зрения, по общему признанию меньшинства, и считаю, что главный оратор в первой и второй главах все еще продолжает тему третьей главы. И я хочу отождествить его, как вы знаете, с наставником, тем, кто ведет людей через их страдания, и здесь, в этой главе, побуждает их взглянуть за рамки страданий и увидеть возможность, богословскую возможность, которая вполне может быть их собственной. .

Есть ли какие-либо объективные доказательства того, что я вижу здесь главного оратора, того наставника, которого я называю наставником? Ну да, есть. В стихах с 49 по 51 третьей главы он говорит очень определенным образом, что напоминает что-то из второй главы. 349, глаза мои будут течь не переставая, без передышки, пока Господь с небес не взглянет и не увидит.

Мои глаза вызывают у меня скорбь о судьбе всех молодых женщин моего города. И это реакция, личная реакция на горе падения Иерусалима. Это очень похоже на то, что сказал оратор в 2:11.

Глаза мои истекают слезами, желудок мой бурлит, кишечник мой изливается на землю из-за истребления народа моего, потому что младенцы и младенцы падают в обморок на улицах города. И поэтому это сходство, я думаю, дает больше, чем возможность, идее о том, что главный оратор в первых двух главах, фактически, наставник в моем образе мышления, продолжает говорить дальше. Я думаю, что есть больше доказательств, чем это.

В первом стихе третьей главы и в новом RSV говорится: «Я тот, кто видел скорбь, и мы просто останемся там». Если мы посмотрим на новую международную версию, там другой рендеринг, и нам нужно заметить, в чем разница и почему. Там говорится, что я человек, повидавший страдания.

И да, это вполне может означать именно это. Еврейское слово здесь буквально означает «человек». И если мы посмотрим в лексикон иврита на диапазон этого слова, то да, это мужчина в смысле мужского пола, но его можно использовать и как личность.

Любой человек, любое человеческое существо. Человек, а не просто мужчина. И есть лингвистические основания для использования этого слова в еврейской Библии.

Новый RSV в рамках своей инклюзивной программы воспринимает это именно так. Я видел горе. И да, это может означать именно это.

Но что произойдет, если мы примем его за человека мужского пола? NIV, который также участвует в инклюзивной программе, действительно хочет сохранить здесь упоминание мужчин. Я человек, который видел страдания. И я думаю, что это очень хорошо сочетается, потому что только что у нас была женщина, повидавшая страдания.

У нас был Сион, принимавший участие в этой драматической литургии, представляя Сион и рассказывая о его скорбях. И я утверждал, что она действовала как женский образец для подражания. Что ж, теперь у нас есть мужской образец для подражания.

Этот наставник на некоторое время оказывается в центре внимания, в первых стихах с 1 по 16, и дает личное свидетельство, свой собственный плач, вспоминая, когда он молился Богу и в чем состояла эта молитва. Итак, не только Сиону было сказано молиться, но теперь наставник, мужской аналог Сиона, приносит свою собственную молитву или, точнее, отчет о своей собственной молитве. Конечно, если бы это был настоящий молитвенный плач, то он, естественно, был бы обращен к Богу, как и вы и ваш .

Но это отчет, который дает наставник, и поэтому о Боге говорится в третьем лице. В этом отдельном плаче стихов с 1 по 16 есть перевод в третье лицо. Теперь я хочу представить идею, которую я не встречал ни в одном другом комментарии.

Понятие раненого целителя, которое, я считаю, очень ценно для нашего изучения плачей, особенно Плача 3. Концепция раненого целителя широко распространена в психологии, и она была выдвинута на первый план психиатром Карлом Юнгом. Карл Юнг опирался на очень древнюю традицию. В греческой мифологии был врач, очень хороший врач, очень умный врач, который мог воскрешать мертвых людей, и он был этим хорошо известен.

Но он разгневал богов, и боги заявили, что жизнь и смерть — наша прерогатива. Как вы смеее узурпировать нашу прерогативу? И вот они его ранили. Его ранили, этого врача.

Кар Юнг подхватил его двумя способами. И он сказал, что терапевт может быть раненым целителем двумя совершенно разными способами. Прежде всего, терапевт может быть ранен, слушая страдания пациента, и, в свою очередь, найти их настолько невыносимыми, что в конце сеанса он останется обеспокоенным.

Он, в свою очередь, остается скорбеть. И это настоящее беспокойство. В своей многолетней работе капелланом я сталкивался с случаями, когда меня ошеломляли истории, рассказанные мне пациентами.

И я ушла, и я не могу просто зайти в палату к другому пациенту и снова начать его слушать. Мне нужно немного отдохнуть. Возможно, я смогу вернуться в офис пастырской опеки и напечатать отчет, и это поможет.

Или, возможно, мне нужно подвести итоги и обратиться к другому капеллану и сказать: «Я нахожу это ошеломляющим, и рассказ этой истории облегчит то бремя, которое лежит на мне». И поэтому целителя можно поочередно ранить. Это во многом реальность.

И это, кажется, то, что происходит здесь, в Плаче 3, с 49 по 51. Что сам целитель, потенциальный целитель под Богом, в свою очередь ранен. И он в свою очередь плачет над этой социальной катастрофой.

Но тогда мы также можем вернуться к стиху 11 главы 2. Мои глаза наполнились слезами из-за гибели моего народа. В стихе 13: огромная, как море, гибель твоя, с чем мне сравнить тебя? И там тоже в обоих отрывках, во втором и третьем, есть ранение целителя. Ему не уйти от этой беды невредимым.

Он сострадает моему народу, но, в свою очередь, он подавлен. Но Ка Юнг нашел другое применение этому понятию раненого целителя. То есть раненый может стать целителем и стать хорошим целителем, потому что он был ранен.

И я думаю, что это проявляется в показаниях в начале 3-й главы и в конце 3-й главы, что наставник ссылается на свои собственные ранения в предыдущие дни, помимо разрушения города. Ему пришлось пережить плохие сцены, через которые пришлось долго преодолевать, и он рассказывает им, рассказывает об этом прихожанам. Итак, он утверждает, что, пытаюсь исцелить вас, я являюсь раненым целителем.

Это напоминает мне об Анонимных Алкоголиках, потому что у них очень сильный принцип: чтобы помочь алкоголику, нужен алкоголик. В их замечательной небольшой книге о 12 шагах вы найдете такие цитаты: Показать другим, кто страдает, как нам была оказана помощь, — это именно то, что делает нашу жизнь такой стоящей сейчас. Будучи ранеными, мы можем обратиться к исцелению других.

И тогда, в руках Бога, темное прошлое — это величайшее достояние, которое у вас есть, ключ к жизни и счастью для других. Итак, выздоравливающий алкоголик, бывший алкоголик, имеет внутри себя способность помогать другим. Таким образом, страдания не проходят даром, но они могут быть частью пастырского опыта обучения, который может сказать другим: в некоторых отношениях я был там же, где и вы, и вы можете довериться мне, и я помогу вам пройти через это.

Это создает близость, взаимопонимание. Итак, мы имеем эти стенания в начале и в конце, и их ценность состоит в том, что они являются свидетельствами его собственных страданий. Я был здесь.

Я был здесь. Итак, это означает, что нам нужно пройти все прошедшее время. В NRSV есть совершенные времена.

Он что-то сделал, но на самом деле вот что: Он погнал меня во тьму во втором стихе и так далее. Это относится к прошлому опыту, который ему больше не принадлежит. В комментарии я написал о причитаниях, литургии скорби.

Это то, что я должен был сказать по поводу раненого целителя в главе 3. В этом стихотворении раненый целитель предлагает свое знание путей Божьих и свой опыт их в контексте страдания. В начале и в конце он служит, исходя из собственных страданий, и представляет себя как наглядный урок. Как товарищ по несчастью, он указывает прихожанам путь к новой целостности, к которой стремятся и он, и они.

В свою очередь, мы, читатели, которые ранены, потенциально можем стать ранеными целителями. Шрам от нашей раны, хотя он все еще может болеть, облегчит острую боль других. В этом свидетельстве, в стихах с 1 по 16, мы встречаем множество метафор.

Прежде всего, надо сказать, что некоторые плачи очень сильно метафоричны. И они полезны как обобщение страданий. В Плачевных псалмах вы не найдете конкретных упоминаний о страданиях, и никто никогда не говорит: «У меня тяжелый случай пневмонии, и мне нужно исцеление от Бога».

Но это довольно общее. Таким образом, метафорический язык, язык изображений очень полезен для обозначения всех различных типов страданий. В чем значение метафоры? Итак, К.С. Льюис написал эссе о метафоре и предположил, что метафора принадлежит миру воображения.

Воображение, задействованное в метафоре, помогает нам понять реальность, стоящую за метафорой. И это понимание касается не истины, а смысла. Это не касается истины, которая является противоположностью лжи, но касается смысла, противоположного бессмыслице.

Разум – орган истины. Воображение – это организация смысла. Метафоры в псалмах, а не только псаломные плачи, связаны с действительным смыслом и переживанием реальности.

Цель псалмопевца – посредством метафоры поделиться своим опытом. Они хотят, чтобы наши глаза загорелись, когда мы читаем эти образные метафоры, поскольку они ярко описывают их опыт. Они хотят, чтобы мы сказали: да, это именно то, на что это похоже.

Я вижу это сейчас. Метафоры позволяют это сделать в Псалмах. Так и здесь, в этом свидетельстве, сообщающем о молитвенном плаче, мы имеем массу разных картин, массу образных снимков.

Я хочу еще сказать о метафоре, но хватит и этого, и мы рассмотрим это индивидуально, а затем вернемся в более общем плане к значению метафоры в этом конкретном месте. Нам нужно задаться вопросом, каков тон этого свидетельства. Ряд комментаторов видят в этом обвинение.

Бог жесток. Бог — деспот. Бог — хулиган.

И мы могли бы сказать: ну, а почему бы и нет? Почему нет? Ну, это говорит о гневе. Я тот, кто видел скорбь, говорит 1 стих, под жезлом гнева Божия. Это слово звучит у нас не первый раз.

Итак, мы должны еще раз спросить, что это за гнев. Обычно и в Ветхом Завете, и в Новом Завете это реакция на проступки человека. Иногда это считается необъяснимым и аморальным.

В Псалме 102 есть упоминание о грехе в контексте, где нам, возможно, следует понимать это именно так, но не очень часто. И если мы считаем, что третья глава прочно принадлежит книге, то здесь она происходит после глав 1 и 2. В главе 1 особое внимание уделяется грехопадению Сиона. Глава 2 пошла дальше и рассказала о Божьем гневе как реакции на этот грех.

Итак, глава 3, кажется, является продолжением главы 2 и предполагает ее. На самом деле НРСВ прав. Хотя это слово переводится как «жезл гнева Божьего», в сноске говорится буквально «его», на иврите «его».

Итак, во второй главе есть отступление к гневу Божьему, который был связан с проступками Сиона. И вот мы здесь, в этом свидетельстве. Есть эти ссылки на Бога в такой враждебной форме.

Надо спросить, а говорят ли так Псалмы? В главе 2 мы упоминали, что существует зависимость от пророческого использования, когда Бог пророчествовал: «Я причиню вред народу Израиля». Это негативное вмешательство в те оракулы катастрофы. А как насчет псалмов? Вписывается ли это в псалом-плач? Да, это так.

Иногда мы упоминаем негативное вмешательство Бога в псалмы плача и псалмы благодарения, исповедующие грех. Псалом 32. Ибо день и ночь рука Твоя тяготила меня.

Псалом 38, стихи 1 и 2. Господи, не обличай меня в гневе Твоем и не наказывай меня в ярости Твоей, ибо стрелы Твои вонзились в меня, и рука Твоя опустилась на меня. Псалом 39 стих 10. Удали от меня удар твой.

Я измучен ударами твоей руки. Псалом 51 стих 8. Да возрадуются кости, которые ты сокрушил. Итак, это отрывок из Псалмов, и есть и другие Псалмы, которые хотят так негативно говорить о Боге.

Бог наказывает отдельного псалмопевца и псалмопевца, говорящего об этом. И здесь это очень сильно перекликается и поэтому соответствует некоторым номерам псаломных плачей. Итак, псалмопевец и здесь наставник, говорящий как псалмопевец, говорит о крайних страданиях, которые он пережил.

И он делает это целой серией творческих способов, метафорических способов. Стих 1 – это удар палки, жезла гнева Божия. И это похоже на стих 3, где это удар руки Бога.

Во втором стихе говорится о тьме, о Боге, гонящем во тьму, и это всегда мощная зловещая метафора. А потом в 4 стихе говорится о болезни, послании от Бога и даже о переломах, кости мои переломал. В 5-м стихе в другой метафоре говорится об осаде, ты меня осадил, он осадил и обложил меня горечью и скорбью.

Стих 6 заставил меня сидеть во тьме, как мертвеца давным-давно. Да, тьма, как в стихе 2, но теперь она связана со смертью. Но здесь это не буквальная смерть; это низкое качество жизни, когда чувствуешь себя мертвым, и ряд псалмов метафорически говорит о смерти как о низком качестве жизни.

А давно умершие – это те, кто давно-давно умер без надежды снова жить. В стихе 7 говорится о заключении в тюрьму; он окружил меня стеной, так что я не могу убежать. Хуже того, он надел на меня тяжелые цепи, так что я не могу двигаться.

Он заперт и заперт, лишен свободы передвижения. Это во многом является темой псалмов, и на иврите она очень часто звучит так, как наши английские переводы не могут точно перевести. Есть слово, которое переводится как бедствие или беда, Зара, это буквально узость, пребывание в узком месте, заточение, запираение в чулане, а беда – это узость, и ты не можешь пошевелиться.

А затем напротив этого выводят на широкое место, в место свободы. И есть псалмы, в которых говорится об этом. Псалом 18 соответствует, например, Псалму 18 и стиху 19.

Он вывел меня на пространное место, избавил меня, потому что доставил мне радость. А вот наоборот — вынести на широкое место. Затем, в Псалме 118 и стихе 5, это имеет две стороны.

От беды моей, а в ней используется не зара, а тот же корень, от беды моей, от ограниченности моей, я воззвал к Господу, Господь ответил мне и поставил меня на широком месте. И поэтому возникает ощущение, что вас запирают и запирают, и что широкое пространство может развиваться свободно, наконец-то свободно. Я могу делать то, что мне нужно, и то, что я хочу.

Это большой контраст, который мы находим то здесь, то там в псалмах. Затем мы переходим к следующему: стих 8 — это фактический опыт, а не метафорический. Хотя я зову и взываю о помощи, он заглушает мою молитву.

Нет понимания, почему на молитву не следует отвечать. И это тоже часто встречается в псалмах. И преграждение пути, еще один вид заключения в стихе 9: Он загородил мне пути тесаными камнями, и я не могу идти вперед.

И есть препятствие. Он искривил мои пути, и нет прямого пути вперед. Вместо того, чтобы жизнь была постоянным прямым путешествием, нужно извиваться и поворачиваться, чтобы найти возможный путь. И далее стих 10: Так же часто, как и в Псалмах, мы встречаем изображения диких животных, враги человека часто изображаются в Псалмах как дикие звери.

И здесь Бог подобен дикому зверю. Он как медведь, поджидающий меня, и скрывающийся лев. Он сбил меня с пути и разорвал на куски.

Он сделал меня опустошенным. А затем он натянул лук и поставил меня ориентиром для своей стрелы. И в обоих случаях здесь есть своего рода подготовка: подготовка к этому плохому поступку, а затем его совершение.

И вот, медведь подстерегает, лев прячется, а потом набрасывается и рвет, разрывая на куски. Тогда лучник нагибает лук и тщательно прицеливается, а затем стрела идет вперед и поражает его. И вот, в стихе 13, он выстрелил в мои жизненно важные органы, буквально в почки, стрелами своего колчана.

А потом, в 14 лет, в результате всего этого он приходит к вторичным страданиям. Я стал посмешищем для всего моего народа. И это, конечно, показывает, что здесь индивидуальный плач, и вокруг него были люди, свои люди, которые высмеивали и издевались над ним.

Объект их насмешливых песен в течение всего дня. И это тоже реальный опыт. И тогда он наполнил меня горечью.

Он насытил меня полынью. Полынь на самом деле — это полынь, прекрасная группа цветов и кустарников. Но листья очень горькие, и вам не захочется жевать лист, лист полыни.

По-английски ее называли полынью, потому что это было травяное средство от глистов в кишечнике. И так, древесина для червей для борьбы с червями. И так, это имело положительное значение.

А в древнем мире оно было просто горьким и есть его вообще не хотелось. И вот мы здесь. Есть все эти болезненные переживания.

А затем, в стихе 16, он заставил мои зубы скрежетать о гравий. Он сбил меня с ног. Он заставил меня кусать пыль.

Он заставил меня съежиться в пепле. И вот мы здесь. У нас есть все эти метафоры.

Очень ярко. И ты не можешь не слушать их. Снова и снова.

Разное нагромождение метафор. Они драматичны. Они даже сенсационные.

И мы могли бы спросить: какова особая цель в этом контексте? Что ж, я думаю, что собрание прислушается к каждому слову. Это так сенсационно – весь этот другой способ говорить.

Это нагромождение метафор. И я думаю, что это сделано намеренно, потому что наставник хочет, чтобы собрание слушало. И когда я готовил свой комментарий к «Плачам», я прочитал множество книг о страданиях, технических книг, а также автобиографий, книг и сборников очерков.

Одно эссе, которое я прочитал, было написано пастором, перед которым стояла трудная задача – совершить похороны своего сына. И вот как он начал. Я был там, где жизнь ранила больше всего, ранила сильнее всего и бил сильнее всего.

Поэтому послушайте меня. И я думаю, что это прекрасное изложение цели этих первых 16 стихов Главы 3. И собрание призвано выслушать его собственные страдания и его собственное объяснение страданий, принять их в свое сердце и принять в своем собственном понимании. Этот теологический феномен: Бог уже не друг, а Бог как враг. Это отправная точка, которой они должны достичь.

Их ожидания – это всегда любовь Божья. Нет, этого не произошло, и им придется иметь дело с этой ситуацией.

Но есть способ справиться с этим. И так, они могут послушать этого человека, который все обдумал на своем собственном опыте, сам испытал такое и пострадал от рук Бога, и поэтому он вполне достоин быть их наставником. Его интерпретация собственных страданий как провиденциальных побудила бы их принять его прежнюю интерпретацию их страданий как правильную и заслуживающую серьезного отношения.

Здесь мне нужно сказать, что цель главы 3 — подготовить почву для призыва наставника к ним помолиться покаянной молитвой, как это побуждают их делать стихи с 40 по 47. И исповедовать свою греховность согласно стиху 44, к которому мы придем. И, конечно же, это свидетельство с 1 по 16, оно, безусловно, ясно подготавливает путь для этой молитвы.

Это плачевная молитва, которая, по сути, предполагает собственную вину наставника, заслуживающую гнева Божия, и она заслуживает этого негативного

вмешательства Бога. И так, это его отправная точка, но ни в коем случае не то, чем он собирается закончить. Но он собирается использовать это как рациональную основу для того, чтобы двигаться дальше и выйти за рамки того, что он только что сказал.

Это доктор Лесли Аллен в своем учении по книге Плача. Это шестая сессия, Плач 3:1-16.